

ПЕРСОНА

— Александр Васильевич, вы можете про себя сказать, что вы шутка природы?
— Нет, я не могу сказать, что я шутка природы. Это значило бы неуважительно отнестись к памяти моих родителей. Нет, я нормальный, естественный продукт природы. А шутка... Человек либо рождается с чувством юмора, либо нет. Это уже другая сторона медали.
— А вы можете обидеться на шутку?
— Любимый человек может обидеться на шутку, если она обидная. А такие шутки есть. Но мы на КВНе стараемся их избегать, тем более если они направлены в адрес какого-то конкретного лица. А вообще, даже сатира не должна быть вещь обидной, как мне кажется, а уж тем более шутка. Я же, если услышу обидные шутки, не расстраиваюсь, уже задубел, наверное.
— Известнейший мастер розыгрышей Никита Богословский однажды так разыграл Михаила Таривердиева, что тому чуть плохо не стало.
— Да, есть шутки злые. И еще человеческая натура бывает разная — у кого кожа тоньше, у кого толще. Именно поэтому с таким инструментом, который называется шутка, надо обращаться осторожно.
— Вы сами можете обидеть?
— Я могу в запале обидеть человека. Это касается ближнего круга людей, с которыми я ра-

ботаю. Я достаточно эмоциональный человек. Но все знают, что это бывает не сильно осознанно. Кроме того, я всегда нахожу возможность извиниться. Такие случаи — это что-то из ряда вон выходящее.
— Если вас человек обидит, вы можете рассмеяться ему в лицо или превратить все в шутку?
— Я могу превратить все в шутку, но потом я все это переживу в себе.
— Враги у вас есть?
— Да, наверное. Естественно, есть враги, как у каждого человека, который делает свое дело. И особенно если оно носит публичный характер. А еще, не дай бог, если твоя работа еще и успешно выглядит со стороны... Я считаю, что нормальный мужчина должен иметь врагов. По крайней мере, у меня так.
— А вы разве не хотели бы всем нравиться? Чтобы, куда бы вы ни приходили, вам все улыбались? Хотя я понимаю, что в жизни это невозможно.
— Наверное, подспудно каждый человек хочет, чтобы его мило и радостно встречали. Но желать этого всеми фибрами своей души вряд ли в моем возрасте разумно.
— Мстительность — вам знакомо такое чувство?
— Нет.
— То есть если те же самые враги вас каким-то образом обидели, унизили, опорочили, то вы...
— Я очень обижаюсь. Но об этом буду знать только я. Я даже постараюсь, чтобы мои близкие этого не чувствовали и не знали. Не помню случая, чтобы я что-то затаил и потом всю жизнь жил с желанием сделать какую-то бяку оскорбившему меня человеку. Это глупо.
— А зачем всю жизнь с этим жить? Надо отомстить. У некоторых это изящно получается.
— Нет, у меня изящно не получится.
— Но разве это не здорово — размазать обидчика по тарелке?
— Естественно, меня обижали незаслуженно, а чаще всего обижали неправдой. Но я не припомню случая, чтобы мне так сильно захоте-

«Проведите меня к нему, я хочу видеть этого человека!» Видеть, слышать и знать о нем как можно больше. Главный кавээнщик страны Александр Васильевич Масляков дал себя увидеть, услышать, но от «рентгена» отказался. Для интервью он непростая «птица». Но если журналист превратится в человека, то всю закрытость Маслякова очень даже поймет. И оценит. И сильно зауважает. Потому что закрытость эта не нарочитая, не кокетливая, а умная и простая.

ШУТИТЕ, ШУРА!

лось отомстить. Нет, я даже в мыслях не рисовал себе картину моего обидчика, размазанного по стенке. Я считаю, что тратьте на это свои силы и свои нервы — себе дороже.
— Как вы все это мудро и правильно говорите.
— Ну мудро — это вряд ли. Я не считаю себя мудрецом. А как я еще должен говорить? Мне ведь немало лет, я уже не мальчик. Это правда.
— Но, когда вы были мальчиком или чуть постарше, наверное, были какие-то моменты, о которых вы сейчас сильно жалеете?
— Я думаю, что каждый нормальный человек, дожив до определенного возраста, о чем-то жалеет. Есть большое количество вещей, о которых я жалею. Но из этого жизни и состоит: из радостей, обид, сожалений...
— Грехов, ошибок...
— Да, грехов, ошибок своих собственных. Больше ведь жалеешь, что сам не то сделал, сам ошибся. Не будешь же ты жалеть, что вот кто-то чего-то тебе не дал. Это ерунда, это пустое, это уходит. Чем дальше, тем больше со своим собственным багажом остаешься. И прежде всего им занимаешься, нежели сторонними разборками, выражаясь современным сленгом.
— А вы можете сказать, о чем вы жалеете?
— Нет, не могу, естественно.
— Опять мудро. Зато многие на этот вопрос отвечают: «Мне не о чем жалеть в своей жизни».
— Это люди врут.
— А вам почему бы не соврать?

— Я отвечаю так, как считаю нужным. Я давно уже не живу по каким-то расплывчатым понятиям. Может быть, кто-то посчитает это слишком смелым заявлением.
— Вы верующий человек?
— Да, я верующий человек.
— О вас ходит много слухов. И, кажется, их распространяют именно здесь, в «Останкино». Вот вы идете по этим коридорам, а вам смотрят вслед, шушукаются... Не противно?
— Главное, чтобы я знал, что правда, а что неправда. И чего ходить и ждать, что из-за угла кто-то не так на тебя посмотрит и что-то не так скажет. Говорят — ну и пусть говорят. Это недостаток моей публичной профессии. А что делать? Я ведь 40 лет уже на ТВ. И было бы странно, если бы слухов не было. И говорить, что ты не сидел, не был женат на Жильцовой... Везде же есть «свидетели», все же все «видели», все «знают».
— И в камере с вами «сидели».
— Да, конечно. Но со сплетнями по жизни сталкивается каждый человек.
— Вы давно стали таким мудрым?
— Я до сих пор слушаю кого-то или, читая какие-то книги, думаю: «Господи, я так никогда не смогу сказать». И я расстраиваюсь по этому поводу.
— Но почему именно вас «посадили в тюрьму»? За что?
— Все очень просто. Какой-то капитан команды, по моему, стоматологического института, то ли попался с валютой, то ли еще с чем-то. Кажется, он эмигрировал, и при выезде в Израиль у него что-то нашли. Я его даже не знаю, не помню. А в это время как раз КВН закрыли. КВНа нет. Маслякова на экране нет. Кого-то с чем-то поймали. Все сошлось. И мои друзья, а ваши коллеги журналисты не могли же упустить возможность все это соединить в один клубок.
— В 70-х годах тоже была желтая пресса?
— Да-а. Она как бы вся была красная, но с некоторыми оттенками. И никого не убедишь, все равно фату за Жильцову несли. Тем более жену мою звать Светлана. С ней мы уже женаты 33 года.
— А вот слух про Жильцову я бы на вашем месте холил и лелеял.
— А зачем? И этот слух мне ненужен.
— Главное, чтобы жена не расстраивалась и понимала.
— Мы с женой, слава богу, встретились на ТВ. И она все прекрасно знает и понимает. Мы всю свою сознательную жизнь прошли вместе.
— Помню, в детстве я смотрел «А ну-ка, девушки», и там кто-то сказал: «Встаньте те девушки, у кого длинный нос». А вы тут же осекли этого человека и сказали: «Нет, зачем? Лучше пусть встанут те, у кого длинная челка». Я это запомнил и понял, что вы достаточно тонкий человек.
— Слава богу, если я так среагировал. Мне приятно, что вы это помните. Может быть, что-то такое было. Какие-то вещи воспитывают человека в себе сам, но я всегда говорю, что луч-

шее, что у меня есть, — это от папы с мамой. А все остальное, как говорят, это среда.
— Но, Александр Васильевич, у меня есть и другие воспоминания. У вас была программа «Александр-шоу». Я вдруг увидел тогда, и тоже это запомнил, что вы там каким-то очень раздраженным были, злым даже. Таким я вас никогда не видел — ни до, ни после.
— Но, как любой нормальный человек, я, наверное, и на это имею право. Может, так звезд-прежде всего людьми и телезрителями, а уж потом министрами. Но, если Дубовицкая будет вести КВН, это все равно будет «Аншлаг». Но ведь и я не смог бы вести «Аншлаг».
— Вас же можно назвать академиком юмора? Или по крайней мере человеком, который в этом очень хорошо разбирается?
— Да я не разбираюсь очень хорошо в юморе. Я просто человек, как и большинство людей, слава тебе господи, с чувством юмора. Только и всего. Волею обстоятельств оказался среди потрясающе остроумных молодых людей и кайфу от этого общения. А называть себя академиком юмора — да бог с вами. Я профессионал телевидения. Об этом, наверное, можно говорить.
— Так объясните мне: ведь в «Аншлаге» многие юмористы когда-то начинали очень здорово, свежо, а сейчас...
— Среда заела.
— И деньги. Но показывают зрительный зал, там же люди просто гогочут от восторга.
— У каждого телевизионного продукта есть свой зритель. И хотя я не руковожу ни одним из крупных каналов, но думаю, когда говорят, что спрос рождает предложение, то, видимо, это все-таки не совсем верно. Этот спрос ведь можно и формировать, что иногда успешно делают мои коллеги-телевизионщики. Поэтому мы и получаем веселую и радующуюся невесту зрительскую аудиторию. Но можно же переклочить программу или просто выключить.
— Советовать легко, но люди почему-то живут этой «кнопкой» и не собираются уходить с нее. А ушлые товарищи с успехом этим пользуются.
— Но что делать? Это опять же от воспитания зависит. Вот если мальчишка со школы играет в КВН и смотрит это... Я не скажу, конечно, что мы образец юмора.
— Да, юмор у вас бывает неровный.
— Безусловно. Это же не аптека, где все должно быть дозировано и дистиллировано. Но какие-то творческие залежи человеческие все-таки КВН воспитывает, и мы стараемся делать это без пошлости. Когда-то получается, когда-то нет. А помимо желания, чтобы это было весело, остроумно и смешно, нами еще, поверьте, движет желание не навредить, а, наоборот, помочь.
— Вы помните песню Высоцкого про телевизор: «А ну-ка, девушки, а ну-ка, парни — все хочут в первые, с ума сойти». Вы же «А ну-ка, парни» тоже вели.
— Нет, «А ну-ка, парни» я не вел. Это все из серии легенд-мифов. Я вел только «А ну-ка, девушки». А потом уже, когда «А ну-ка, парни» не стало, у нас появилась новая программа — «Вираж». Как я говорил — мужские игры на свежем воздухе.
— Вы с Владимиром Семеновичем не были знакомы?
— Хотелось бы сказать: да-да, мы были дружны. Нет, очень шапочно. Пару раз пересекались, перекидывались какими-то словами. Но я не был с ним близко знаком.
— Как вы оценивали тогда, в 70-е, его самого, его песни?
— Достаточно спокойно, как данность. Это мы сейчас знаем, как тяжело была эта его «шапка». Был Высоцкий, и было здорово то, что он пел.
— У вас много друзей среди актеров?
— Нет. У меня вообще, кроме близких-то, и нет друзей.
— Ну хотя бы один друг, настоящий, которому можно все рассказать, который всегда придет и поможет.
— Наверное, есть люди, которые мне помогут. И, безусловно, есть люди, которым по возможности и я помогу. Без этого было бы совсем поганно. Но никого другом, кроме своей собственной жены, я назвать не могу.
— При этом вы считаете себя необделенным?

Александр Масляков: «Я не очень хорошо разбираюсь в юморе»

Г-н Масляков с супругой.
ды сошлись в этот момент. Я же не робот, не машина. Конечно, такое я вообще не имею права себе позволять. Но я не думаю, что это как-то меня унижает.
— Да, широк человек, сузить бы. Вот, значит, вы какой странный. Говорите, что, если вам плохо, главное, чтобы это не сказывалось на близких. А вот у многих все наоборот: если на работе начальник нахамил, он это стерпит, но придет домой и там «отпалает» на близких по полной программе.
— Доказывать что-то дома это некому, поскольку мои домашние являются еще и коллегами по работе. Тут как раз случай отдельный. Но это нормальное человеческое желание главы дома — оберечь свою семью. Это даже биологический инстинкт скорее. Хотя все бывает, и близким иногда достается в первую очередь, потому что они ближе.
— Вы могли бы представить, ну хоть в страшном сне, что КВН ведет Регина Дубовицкая?
— Нет, конечно. Это не в осуждение Регины Дубовицкой, но будем устраивать разборки чужих полетов...
— А уже все разобрали на заседании правительства.
— Наверное, они имеют на это право, будучи

прежде всего людьми и телезрителями, а уж потом министрами. Но, если Дубовицкая будет вести КВН, это все равно будет «Аншлаг». Но ведь и я не смог бы вести «Аншлаг».
— Вас же можно назвать академиком юмора? Или по крайней мере человеком, который в этом очень хорошо разбирается?
— Да я не разбираюсь очень хорошо в юморе. Я просто человек, как и большинство людей, слава тебе господи, с чувством юмора. Только и всего. Волею обстоятельств оказался среди потрясающе остроумных молодых людей и кайфу от этого общения. А называть себя академиком юмора — да бог с вами. Я профессионал телевидения. Об этом, наверное, можно говорить.
— Так объясните мне: ведь в «Аншлаге» многие юмористы когда-то начинали очень здорово, свежо, а сейчас...
— Среда заела.
— И деньги. Но показывают зрительный зал, там же люди просто гогочут от восторга.
— У каждого телевизионного продукта есть свой зритель. И хотя я не руковожу ни одним из крупных каналов, но думаю, когда говорят, что спрос рождает предложение, то, видимо, это все-таки не совсем верно. Этот спрос ведь можно и формировать, что иногда успешно делают мои коллеги-телевизионщики. Поэтому мы и получаем веселую и радующуюся невесту зрительскую аудиторию. Но можно же переклочить программу или просто выключить.
— Советовать легко, но люди почему-то живут этой «кнопкой» и не собираются уходить с нее. А ушлые товарищи с успехом этим пользуются.
— Но что делать? Это опять же от воспитания зависит. Вот если мальчишка со школы играет в КВН и смотрит это... Я не скажу, конечно, что мы образец юмора.
— Да, юмор у вас бывает неровный.
— Безусловно. Это же не аптека, где все должно быть дозировано и дистиллировано. Но какие-то творческие залежи человеческие все-таки КВН воспитывает, и мы стараемся делать это без пошлости. Когда-то получается, когда-то нет. А помимо желания, чтобы это было весело, остроумно и смешно, нами еще, поверьте, движет желание не навредить, а, наоборот, помочь.
— Вы помните песню Высоцкого про телевизор: «А ну-ка, девушки, а ну-ка, парни — все хочут в первые, с ума сойти». Вы же «А ну-ка, парни» тоже вели.
— Нет, «А ну-ка, парни» я не вел. Это все из серии легенд-мифов. Я вел только «А ну-ка, девушки». А потом уже, когда «А ну-ка, парни» не стало, у нас появилась новая программа — «Вираж». Как я говорил — мужские игры на свежем воздухе.
— Вы с Владимиром Семеновичем не были знакомы?
— Хотелось бы сказать: да-да, мы были дружны. Нет, очень шапочно. Пару раз пересекались, перекидывались какими-то словами. Но я не был с ним близко знаком.
— Как вы оценивали тогда, в 70-е, его самого, его песни?
— Достаточно спокойно, как данность. Это мы сейчас знаем, как тяжело была эта его «шапка». Был Высоцкий, и было здорово то, что он пел.
— У вас много друзей среди актеров?
— Нет. У меня вообще, кроме близких-то, и нет друзей.
— Ну хотя бы один друг, настоящий, которому можно все рассказать, который всегда придет и поможет.
— Наверное, есть люди, которые мне помогут. И, безусловно, есть люди, которым по возможности и я помогу. Без этого было бы совсем поганно. Но никого другом, кроме своей собственной жены, я назвать не могу.
— При этом вы считаете себя необделенным?

— Нет, я не скорблю по этому поводу.
— То есть вы по натуре человек замкнутый?
— Да, я такой человек. И с годами становлюсь все менее общительным. Хотя я никогда и не был тусовщиком. Не то что я дичаю, хотелось бы сказать, что я становлюсь умнее с годами. Вот я недавно слышал по телевизору от Баси-лашвили: «Кто в 20 лет не оптимист, а в 60 не мизантроп, тот, может быть, душой чист, но идиотом ляжет в гроб». Нет, я не мизантроп, но как бы двигаюсь в этом направлении.
— «Мир выжил, потому что смеялся» — это для вас соответствует действительности или любое выражение хромает?
— Да, это преувеличение, естественно, возведенное в абсолют. Но то, что чувство юмора сильная подмога, — точно.
— Можно сравнить прошлое и нынешнее время по КВНу? Сначала в 60-е КВН шел в прямом эфире, потом в 70-х его закрыли, в перестройку воскресили, а сейчас он цветет и пахнет.
— Мне тогда было очень просто пережить закрытие КВНа. Я был мальчишкой, ни за что не отвечал. Это не было моей сутью, извините за пафос, моей работой, которой я живу 24 часа в сутки. Я был молод, свободен.
— И не жили так телевидением, как сейчас?
— Конечно, нет. Я продолжал быть студентом. У меня была студенческая жизнь, студенческие друзья-приятели, дворец культуры МИИТ. У меня были, в конце концов, любимые или не-любимые преподаватели, лекторы. Были влюбленности, дружки. При чем здесь ТВ? Я приходил, «пел» как птичка, вел, радовался тому, что я в этом кругу, и уходил из этого круга в свою жизнь. И все было нормально.
— То есть крахом это не было?
— Нет. Крах был для людей, которые делали КВН, вызывались на ковер к начальству, которых мордовали по-всякому. Я же продолжал «петь» в других передачах. А то, что после возвращения КВНа в 86-м году исторически сложилось, что никого, кроме меня, из тех, кто начинал КВН, больше не было — так вышло. Я случайно оказался во главе угла. Легенда же о том, что в конце 60-х КВН был чем-то невообразимо смелым, а сегодня — нечто другое, это неправда. Как и якобы скандал в перестроечном КВНе в 80-х с одеситами, которые просто отстаивали свои «перлы» и говорили, что сокращать их в силу гениальности никак нельзя. Но все это прошло и ушло.
— А нынешний КВН безобиден для власти?
— Степень обиды или необиды тоже меняется с годами. Сейчас ведь обо всем уже сказали и написали, берите и читайте. Время-то все-таки другое.
— Но вот на Украине на площадь вышли студенты, а россияне только в КВНе хохмят? Получается, что наши ребята — конформисты.
— И там они конформисты. Мы же не один год делали КВН на Украине. Я хорошо знаю украинских студентов. Но во главе любого движения должен кто-то стоять. И необязательно это будут студенты.
— Вы осторожный человек?
— Это пришло с годами. Воляница молодая ушла. Я компромиссный человек. Компромисс — это тоже инструмент, почему бы и нет?
— Важна степень компромисса. Где она у вас?
— Это определяется в конкретных ситуациях. Я не такой благодостный и для своих коллег, и для кавээнщиков, которые играют. Да, и для руководства. У меня здесь тоже бываю конфликты.
— А в личных семейных отношениях тоже важен компромисс? Или для мужа и жены это неправильное слово?
— Нет, очень даже правильное.
— Ну так расскажите мне, Александр Васильевич, что такое любовь?
— О-о-о! Я, к сожалению, не поэт, хотя люблю поэзию. Не все же мне дано. Не насыпано мне это. Поэтому рассуждать, что такое любовь, давайте не будем. Ладно. У каждого человека свое отношение к этому. И оттого, что я прочту из уст чужого человека, что такое любовь, я любить так не стану все равно. Каждый любит и ненавидит по-своему.
— А вы совершали в своей жизни «большие хорошие глупости»?
— Конечно, совершал.
— Расскажите.
— Не буду. Потому что нет вашим читателям и моим телезрителям при всем моем к ним уважении и любви никакого до этого дела. Это личное.
— Некоторые публичные люди с удовольствием личным делятся.
— Я не некоторые. Я и по ушами-то 40 лет хожу в клеточке, в очках и с шарфиком. А есть те, которые ходят с открытым забралом и ловят кайф: смотрите, я иду. Так вот это я и иду и потрошьте себя на потребу я не буду.
Александр МЕЛЬМАН.